

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

*В.А. Витушко,
д-р юрид. наук, доцент*

Институт частной власти продолжает оставаться за пределами легальных определений и гражданско-правового регулирования. Он не включен еще ни в состав элементов политической системы, ни в состав межотраслевых правовых понятий. Такое положение государства и общества ведет к стихийным процессам проявления частной власти на общегосударственном уровне. В частности это негативно сказывается на защите прав граждан.

Ведомственные интересы исполнительных государственных органов, корпоративные частные интересы, интересы иных монопольных образований имеют тенденцию к сращиванию с правотворческим государственным аппаратом и тем самым к ущемлению гражданских прав всего населения, а также системы национальной безопасности. В результате сегодня широко распространены ущемления прав граждан со стороны министерства торговли, частных торговых предприятий и предпринимателей, министерства здравоохранения, Белкоопсоюза, банков и др. И это не случайные факты в механизме правового регулирования. Это система со своими корнями. Так, особая природа имеется у сращивания банковской олигархии в республике с государством. Она усугублена производным происхождением капиталов банков от государственной собственности, монополистическим характером деятельности банков. Об этом свидетельствует содержание Банковского кодекса Республики Беларусь (БК), легализующего неравноправное положение банков с их клиентами в пользу банков.

В частности вопросам ответственности банков перед клиентурой посвящены стст. 136, 243 БК. Но они в основном носят отсылочный характер, не взирая на объемное содержание всего БК, посвящены к тому же в большей части вопросам освобождения банков от ответственности, противоречат ГК. Например, ст. 243 БК противоречит ст. 14 ГК о праве клиента на упущенную выгоду, а ст. 244 БК и другие противоречат ст. 372 ГК Беларуси об ответственности коммерческих банков независимо от вины. Учитывая монопольное положение банков на рынке работ и услуг в Беларуси, диспозитивный характер ст. 14 ГК не

давал права Парламенту при принятии БК давать банкам указанные преференции. Надо полагать банковское сообщество здесь активно поработало по «проталкиванию» удобного варианта БК в ущерб интересам конкуренции, рынка и других немонополизированных субъектов хозяйственной деятельности.

Аналогичным образом выглядят и ситуации в сфере торговли. Здесь принята новая редакция Закона о защите прав потребителей, которая не только не защищает потребителя от продавца и производителя, но предоставляет ряд преимущественных позиций продавцу и производителю в отношении потребителя и игнорирует принцип равенства лиц в гражданском обороте.

Сравнительный анализ закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 19 ноября 1993 г. (Закон от 19.11.93 г.) и закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 9 января 2002 г. (Закон от 09.01.02 г.) показывает на резкое снижение уровня законотворческой работы по защите прав граждан потребителей в сфере торговли.

Так, согласно п. 6 ст. 7 Закона от 19.11.93 г. требования потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товарах либо недобросовестной рекламой, рассматриваются исходя из предположения об отсутствии у потребителя специальных знаний о свойствах и характеристиках приобретаемых товаров. А в п. 4 ст. 8 Закона от 09.01.02 г. указания о недобросовестной рекламе исключены. И более того, в новый Закон от 09.01.02 г. включен п. 2 ст. 8, согласно которому на потребителя возложена обязанность доказывать отсутствие у него должной информации о товарах и ответственность продавца за недостатки информации о товаре после его покупки.

Таким образом, нейтрализовано действие презумпции о вине продавца (изготовителя) в убытках граждан в силу отсутствия у них должной информации о товарах.

Закон от 09.01.02 г. снимает с изготовителей и продавцов товаров ответственность за безопасность товаров, если гражданин-потребитель нарушит технические и иные правила эксплуатации товара (п. 3 ст. 10). При этом закон не учитывает то, что граждане зачастую не являются специалистами в области техники, а современная сложная бытовая техника должна исключать возможность своего повреждения, а также повреждения имущества и здоровья граждан даже при случайном нарушении гражданами правил эксплуатации этой техники. Только умысел или в крайнем случае грубая неосторожность граждан в

обращении с техникой, влекущие ее повреждение и иное причинение вреда, могут быть условиями, исключающими ответственность продавца за безопасность товаров. Возложение ответственности на продавца (изготовителя) за безопасность товаров вытекало из систематического толкования Закона от 19.11.93 г.

Введение в ст. 10 Закона от 09.01.02 г. освобождения продавца (изготовителя) от ответственности за безопасность товаров противоречит всей логике отечественного и зарубежного гражданского законодательства об ответственности за вред, причиненный источником повышенной ответственности. Коль скоро продавец (изготовитель) теперь освобождаются от гарантий безопасности товаров при отсутствии повышенных мер предосторожности со стороны потребителей по обращению с такими товарами, то эти товары становятся источниками повышенной опасности для граждан. А коль скоро владельцем такого товара становится покупатель и по законодательству ответственность за вред, причиненный таким товаром, несет владелец, то логика Закона от 09.01.02 г. приводит к абсурдной ситуации, что потерпевший потребитель сам себе возмещает вред.

Закон от 19.11.93 г. предусматривал в п. 5 ст. 10 ответственность продавца за ненадлежащее качество товара в пределах гарантийных сроков и соответствующие права потребителя на замену товара, иное возмещение убытков, кроме случаев, когда продавец (изготовитель) мог доказать, что недостатки товара возникли вследствие: нарушения потребителем правил эксплуатации товара; непреодолимой силы; действий третьих лиц. А в ст. 19 Закона от 09.01.02 г. указанная ответственность и обязательства сняты с продавца (изготовителя). То есть презумпция их вины и здесь исключается. Бремя доказывания вины продавца (изготовителя) также возлагается на покупателя. Тем самым приоритет защиты прав слабой стороны в договоре отсутствует и в новом Законе от 09.01.02 г. нет никакого смысла как специального закона о защите прав этой слабой стороны в лице граждан потребителей. Более того, устранение приоритета интересов слабой стороны заполняется приоритетом продавца (изготовителя), чем наносится вред принципу равенства и правовому порядку в государстве в целом.

Часть 2 п. 7 ст. 19 Закона от 09.01.02 г. декларативно сохраняет презумпцию вины продавца (изготовителя) за некачественные товары, на которые установлены гарантийные сроки. Все дело в том, что этот закон не устанавливает обязательных гарантийных и аналогичных им сроков на все товары, как это было в п.1 ст. 10 Закона от 19.11.93 г. Теперь продавец (изготовитель) могут и не устанавливать гарантийных сроков.

Учитывая вышеизложенное, освобождение продавца (изготовителя) от гарантий безопасности товаров по Закону от 09.01.02 г. и от ответственности за вред, причиненный такими товарами, ст. 17 этого Закона, устанавливающая право потребителя на компенсацию морального вреда лишь при наличии вины продавца (изготовителя), противоречит ст. 969 ГК, где сказано, что за вред, причиненный источником повышенной опасности, моральный вред компенсируется причинителем вреда независимо от вины. А причинителем вреда может быть только изготовитель и продавец, если потребитель умышленно не причиняет вред сам себе.

Соответственно с принятием Закона от 09.01.02 г. не может действовать ч. 1 п. 10 постановления № 7 Пленума Верховного Суда от 28 сентября 2000 г. о компенсации морального вреда владельцем такого товара.

Редакция ст. 5 Закона от 19.11.93 г. давала право создавать при местных органах власти и управления государственный омбудсмен в виде структурных подразделений по защите прав потребителей, инспекций по качеству товаров и т.п. (см., например, Положение об отделе по защите прав потребителей Минского городского Совета депутатов, утвержденное решением Мингорисполкома № 285 от 02.06.1993 г.), которые наделялись контрольными функциями за работой продавцов (изготовителей) и качеством товаров. В Законе от 09.01.02 г. сфера действия государства ограничена казуистической отсылкой к компетенции государственных органов, установленной законодательством (ст. 40). А в стст. 41 и 42 Закона от 09.01.02 г. указаний о контрольных функциях госорганов нет. Причем по смыслу ст. 41 можно предполагать наличие таких функций только у Министерства торговли. А учитывая, что Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 20 февраля 1991 г. в редакции от 10 января 2000 г. местные Советы депутатов исключены из системы органов государственной власти и отнесены по существу в разряд общественных организаций местного самоуправления, то государственный контроль на местах за защитой прав потребителей существенно снижен.

Система потребкооперации с принятием Закона о потребкооперации устанавливает белорусский вариант англо-американской собственности нескольких лиц на одно имущество, распределяя правомочия собственника на имущество потребительского общества между потребительским обществом и союзом потребительских обществ. На практике это означает, что потребительские общества, низовые звенья потребкооперации функци-

онируют не на началах общественного самоуправления, а на условиях субординационного подчинения решениям вышестоящих звеньев потребкооперации. Кроме того, на практике потребкооперация монополистическими методами вытесняет из сферы торговли на селе всякие частные инициативы, используя свой «административный ресурс», вытекающий из включения Белкоопсоюза в число органов, подчиненных Совету Министров. Не понятно, почему в таком случае в состав Правительства не входят представители обществ инвалидов, слепых и иных некоммерческих объединений. Такое управление в республике означает ничто иное, как приближение к государственной власти ограниченного круга общественных формирований, причем не их системы в целом, а лишь верхних бюрократических структур.

Ведомственное правовое регулирование здравоохранения населения не опирается на положения о публичном договоре, регулирующем данные отношения, на подчиненность деятельности медицинских учреждений запросам граждан. В ущерб интересам населения и с искажением сущности правового регулирования публичных отношений Парламент и Правительство передали Министерству здравоохранения право односторонне определять правила взаимоотношений граждан с лечебными учреждениями. Министерство здравоохранения вправе определять правила лечения граждан, да и то под жестким государственным и общественным контролем. А правила взаимоотношений граждан с лечебными учреждениями должны определяться Парламентом, в ГК и аналогичных законах.

Рассмотренная здесь корпоративная и ведомственная деятельность, ущемляющая права граждан, имеет и иные многочисленные негативные проявления.

Причин широкого распространения ведомственного и корпоративного ущемления гражданских прав личности уже настолько много, что наше общество вновь вернулось к состоянию СССР накануне его распада в 80-х гг. XX в., когда хаос был настолько распространен, что каждый обнаруживал ущемления своих прав другими лицами и в то же время считал правомерным действовать в угоду личным интересам и в ущерб интересам других лиц.

Для устранения указанных недостатков требуется привести специальное законодательство в соответствие с ГК, а также в ст 2 ГК заменить принцип приоритета общественных интересов на принцип баланса частных и публичных интересов — краеугольный принцип современного права.